

могла бы предположить администрация, воспитанная сталинскими порядками, а тихой неприязнью или даже ненавистью. Неожиданный эффект происходил из того факта, что здешние жители исторически разминулись с массовой коллективизацией, террором 1937 – 1938 гг. и в этом смысле оказались «непоротыми» и не запуганными. Их отношение к Советской власти (по крайней мере, значительной части) красноречиво проявится в трагических событиях первых дней Великой Отечественной войны.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. р-282. – Оп. 1. – Д. 45.
2. ГАБО. – Ф. 1059. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Там же. – Ф. 7581. – Оп. 1. – Д. 25.
4. Там же. – Д. 199.
5. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я. Я. Алексейчик [и др.]: под ред. В.А. Бобкова. – Минск, 1989.
6. Сорокин, А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии / А. Сорокин. – Минск, 1968.
7. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 г. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1.
8. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 г. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2.

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ НА ЛИНІІ ЦИВИЛІЗАЦІОННОГА РАЗЛОМА (1921-1939)

Бодак М.С.

УО «Брестский государственный технический университет»

Западнобелорусский регион никогда не был единым и однородным в этническом и политическом отношении в силу геополитических причин. Находясь на стыке трёх этнических групп: восточнославянской, западнославянской и балтской, располагаясь в центре Европы, он постоянно был объектом притязаний различных государственных образований. Вся история этих земель – это история переделов, оккупаций, объединений. По сей день западнобелорусские земли находятся на линии цивилизационного разлома: между западной и православно-славянской цивилизациями. До сих пор вопрос об этническом составе населения Западной Беларуси, как и вопрос о формировании этнической территории Республики Беларусь, остаётся дискуссионным. Не является исключением в этом плане и рассматриваемый период.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., от разработки условий которого представители белорусского народа были отстранены, к Польше отошли Гродненская губерния, Новогрудский, Пинский, часть Слуцкого, Мозырьского и Минского уездов Минской губернии, а также Ошмянский, Лидский, Виленский, Диснянский уезды Виленской губернии. Эта этническая территория Беларуси, вместе с городом Вильня, Виленским, Свянтянским и Троцким уездами, захваченными польскими войсками (так называемая Средняя Литва), ещё в октябре 1920 г. была разделена на 4 воеводства: Полесское, Новогрудское, Белостокское и Виленское (до декабря 1925 г. официальное название Виленский административный округ). Обозначенная территория в советской историографии получила

название «Западная Беларусь», хотя в официальных польских документах употреблялось название «крэсы ўсходнія», что обозначает восточные окраины Речи Посполитой. Численность населения Полесского (без Камень-Каширского повета), Новогрудского, Виленского воеводств и 5 восточных поветов Белостокского воеводства составляла 3 171 627 человек, а белорусов, включая белорусов-католиков, насчитывалось более 2 млн. человек. Территория составляла 98 815 кв. км. [5, 166]. Это составляло 24 % территории и 11 % населения Польши [4, 283].

Следует отметить, что сама Польская республика была аграрно-индустриальной страной со средним уровнем развития капитализма и многочисленными проблемами в экономической сфере. Польше было характерно различие в уровнях развития отдельных регионов. К числу наиболее отсталых относились земли Западной Беларуси, где промышленность была представлена мелкими предприятиями (до 20 человек) и ремеслом, а сельское хозяйство, особенно белорусского и украинского Полесья, характеризовалось экстенсивностью с чертами патриархальности [2, 25].

Промышленность в Западной Беларуси развивалась, как и во всей Польше, циклично. На смену периодам подъёма приходили периоды депрессии, спада, кризиса. При том, что в целом польская экономика находилась на среднем уровне развития, к началу Второй мировой войны общий объём производства не достигал уровня 1913 г. [4, 284].

В 1923-1924 гг., после окончания войны, в связи с повышением спроса на промышленные товары и расширением международной торговли, наблюдался явный подъём производства, приведший к некоторому росту занятости населения. Однако переход к стабилизации экономики, который наблюдался в Польше в 1922-1929 гг., на западнобелорусских землях происходил гораздо медленнее. Характеризуя политику правящих кругов Польши в Западной Беларуси, директор департамента промышленности и торговли Виленского округа в 1929 г. подчёркивал, что «властными структурами государства не сделано ничего, чтобы оживить хозяйственную деятельность на «крэсах ўсходніх», а наоборот, делается всё для того, чтобы окончательно её разрушить» [5, 167]. Кроме того, индустриализация требовала поиска рынков сбыта товаров и средств для её осуществления. А на тот момент традиционные рыночные связи земель бывшего Королевства Польского с Россией, а через неё и с рынками Азии, были нарушены. На рынок СССР приходилось менее 2 % польского экспорта и не более 4,5 % импорта. Были нарушены связи и с чешскими, австрийскими и немецкими землями. Остро стояла проблема поиска инвестиций и кредитов. Кризис сбыта сопровождался гиперинфляцией и ростом численности безработных.

В начале 1924 г. новое правительство стало активно осуществлять политику финансовой стабилизации. Были повышены косвенные налоги на потребление спиртных напитков в 2 раза, сахара – в 10 раз, спичек – в 20 раз. При этом были несколько уменьшены военные расходы и проведён ряд других мероприятий. Значительную роль в этих процессах сыграла денежная реформа. После войны инфляция приобрела катастрофический характер. В апреле 1924 г. начал действовать Польский банк, который ввёл в оборот новую валюту – злотый. Однако некоторая стабилизация финансово-денежной системы в большей степени произошла за счёт снижения жизненного уровня населения. Усугублению состояния экономики способствовали неурожай 1924 г. и таможенная война с Германией в 1925 г., которая привела к отказу от импорта польского угля. Согласно официальным данным, в городах Западной Беларуси в 1926 г. насчитывалась 21 тыс. безработных, в основном молодые люди [4, 285]. Так, например, в городе Кобрине ежемесячно регистрировалось более 600 безработных при общей численности населения города в 1931 г. 10 277 жителей [8, 294].

Улучшение ситуации в экономике совпало с политическими переменами. В результате государственного переворота 12-14 мая 1926 г. к власти пришёл «отец возрождённой Польши» – Ю. Пилсудский [2, 28]. Установился авторитарный режим, и была объявлена политика «санации» (оздоровления) экономической и политической жизни. Польша, (вместе с ней и Западная Беларусь) постепенно стала выходить из кризиса. Сократилось количество безработных, переориентировалась на западные рынки внешняя торговля. Хорошие урожаи 1926-1929 гг. совпали с ростом спроса на сельскохозяйственную продукцию на зарубежных рынках, что способствовало подъёму пищевой промышленности и росту жизненного уровня населения. Более того, это обстоятельство способствовало привлечению инвесторов, которые уже могли рассчитывать на получение прибыли. В результате постепенного экономического подъёма количество работающих в Западной Беларуси предприятий и занятых на них рабочих приблизилось к уровню 1913-1914 гг. Значительное развитие получила в Западной Беларуси деревообрабатывающая промышленность, что было обусловлено богатыми запасами лесных угодий и дешёвой рабочей силой. К 1939 г. количество предприятий этой отрасли и работающих на них рабочих превзошло в 2 раза уровень 1913 г. [4, 288]. Однако, превратившись в важный источник польского экспорта, лесные богатства стали безжалостно уничтожаться, что негативно отразилось на состоянии всего хозяйства края. Так, например, во многих гминах Кобринского повета за счёт вырубок леса площадь пахотных земель охватывала около 60 % от общей площади [8, 305].

Основной причиной слабого развития промышленности западнобелорусских воеводств была техническая отсталость, примитивность как промышленного оборудования, так и сельскохозяйственной техники. Практически не использовалась механизация и электрификация. На долю Западной Беларуси приходилось менее 2 % от всей вырабатываемой в Польше электроэнергии [4, 290].

Очень узким был внутренний рынок из-за низкой покупательной способности населения, которая, в свою очередь, была обусловлена тем, что в массе своей население свою сельскохозяйственную продукцию вынуждено было продавать ниже себестоимости, всё из-за той же низкой технической оснащённости хозяйств. Это устраивало заграничных потребителей практически бесплатного продовольствия, вагонами вывозимого за пределы региона перекупщиками. В то же время цены на промышленные товары были несоизмеримо выше, что привело к тому, что многие жители Западной Беларуси вернулись к домотканой одежде, лаптям, лучине и т. п. При этом магазины были переполнены тканями, одеждой и обувью из Англии, Франции, Чехословакии, Польши и даже Японии. Вообще на западнобелорусских землях отсутствовала тяжёлая промышленность. Преобладающими были деревообрабатывающая, пищевая и лёгкая промышленности, перерабатывающие местное сырьё и продукты сельского хозяйства. В 1926 г. в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах насчитывалось 127 фабрик и заводов с численностью рабочих свыше 20 человек, и только 19 из них имели свыше 100 рабочих [1, 3].

Режим «санации» опирался на армию, жандармерию, полицию, поэтому неизбежно было повышение расходов на интересы государственной безопасности. Это привело к тому, что правительство стало тратить кредиты, предоставленные иностранными инвесторами, не на производственные нужды, вследствие чего в 1929 г. финансисты прекратили кредитование режима. Кроме прочего, на ситуацию с финансированием повлиял мировой экономический кризис того времени, взаимосвязанный с аграрным кризисом. Он привёл к переводу на неполную рабочую неделю и закрытию многих предприятий. Безработица охватила не только рабочих и ремесленников, но и интеллигенцию, и чиновников. Потеряв работу, они уходили в торговлю, мелкую промышленность ремесленного типа, обслуживающую помещиков, но многих ожидало банкротство.

Экономика Западной Беларуси носила преимущественно аграрный характер. Так, например, перепись населения 1931 г. выявила, что в Кобринском повете занимаются сельским хозяйством 85,1 % населения (в то время как в целом в Польше – 63 %), ремеслом и промыслами – 9 %, торговлей и обслуживанием – 3 %, коммуникациями – 1,2 % жителей [8, 305].

В Западной Беларуси после её включения в состав польского государства была восстановлена частная собственность на землю, вернулось крупное помещичье землевладение. Согласно официальным данным польской статистики, в 1921 г. земля распределялась следующим образом: 3402 – крупным помещикам (1% землевладельцев) принадлежало 55,21 % частнособственнической земли, середняцким хозяйствам – 12,5 %, бедняцким – 24,15 %, кулацким – 8,14 %. В среднем помещичье хозяйство имело 500 га, кулацкое – от 18 до 100 га, середняцкое – от 8 до 18 га, а крестьянское – до 7 га земли. Земельный "голод" большинства крестьян способствовал возрождению пережитков феодальных отношений. Практиковалась мелкая аренда земли за отработки или за часть урожая, отработки за право пользования пастбищем и заготовку дров, натуральная оплата труда, наличие чересполосицы, повинности по строительству и ремонту дорог и т. п. Всё это тормозило развитие производительных сил в аграрном секторе Западной Беларуси.

Для улучшения ситуации властями в декабре 1925 г. был принят «Закон об осуществлении аграрной реформы». В законе официально закреплялся механизм продажи земли. Поскольку на западнобелорусских землях хозяйство велось экстенсивно, а польские помещики считались опорой центральной власти в национальных районах, то здесь была установлена высшая норма размера земельного надела – до 400 га (в остальной Польше – 180 га). Если же помещик имел на земле предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, то размер увеличивался до 1000 га, а крестьянам продавали наделы до 26 га (в великопольских землях – до 15 га) [2, 26]. Такое стимулирование предпринимательства у помещиков помогало включать хозяйства в капиталистические отношения, а зажиточным крестьянским хозяйствам – трансформироваться в фермерские.

При этом власть предоставляла земельные участки в основном лицам польской национальности. На основании закона от 17 декабря 1920 г. «О разделе земли солдат польской армии» польские военные даром или за небольшую плату получали земельные участки размером от 15 до 45 га. Уже в 1924 г. в Западной Беларуси насчитывалось до 5 тыс. осадников [5, 168]. На льготных условиях осадники получали долговременные кредиты на обустройство хозяйства, за счёт государства строили жилые помещения. Они были вооружены и должны были стать социальной опорой власти в регионе. В свою очередь местные крестьяне при проведении комасации не получали от государства никакой помощи. После перехода на хутора они вынуждены были практически сразу оплачивать ему расходы на проведение комасации. Уже через полгода они платили по 30-50 злотых в счёт погашения долга по стоимости комасации, хотя власти обещали рассрочку этих выплат на 15 лет. Оставшиеся после парцелляции помещичьих наделов земли продавались торговцам, спекулянтам, предпринимателям, чиновникам, кулакам. Распродажа шла по двум направлениям: по линии государственной парцелляции через сельскохозяйственный банк и дикой спекулятивной парцелляции, которой занимались помещики и торговцы. К тому же купить землю незажиточным сельским хозяйствам было очень трудно по причине её высокой стоимости. Средняя цена 1 га достигала 610 – 830 злотых. Государственный банк устанавливал не менее 12 % годовых за кредиты на покупку земли.

Ещё одним элементом преобразований, направленных на ликвидацию остатков феодальных и укрепление капиталистических отношений на селе, была ликвидация сервитутов: права крестьян на совместное пользование с помещиками пастбищами и лесами. В результате помещики получили до 3/4 сервитутной земли, а крестьяне в качестве компенсации –

земельные участки размером от 1/4 до 1/3 общей площади сервитутов, а в некоторых случаях – денежную компенсацию. Однако в большинстве случаев эти участки были заболоченными и песчаными, непригодными для сельскохозяйственного использования.

Вся проводимая властями политика вела к обнищанию массы населения и росту социальной напряжённости в среде беднейшего крестьянства. Вследствие этого активизировалась невозвратная эмиграция крестьян в Западную Европу, Канаду, США, Латинскую Америку, Палестину и другие страны, а также выезды на сезонные работы. По различным подсчётам, в поисках средств для более высокого уровня жизни, в 1921-1933 гг. Западную Беларусь были вынуждены покинуть от 120 до 150 тыс. человек [5, 169].

Ситуация стала меняться с присоединением земель Западной Беларуси к БССР. С 17 по 22 сентября 1939 г. произошло объединение белорусского народа в едином государственном образовании. Для подъёма хозяйства в регионе Совнарком РСФСР выделил значительные денежные средства, сырьё, промышленное оборудование, строительные материалы, особенно на военное строительство, а также решил вопрос комплектации высококвалифицированными высокообразованными кадрами, поскольку национальных кадров явно не хватало. В соответствии с необходимостью «выравнивания» развития региона с уровнем остальных территорий, темпы прироста промышленного производства за первую пятилетку в Беларуси были вдвое большими, чем в целом по СССР.

В судьбе белорусского народа осенью 1939 г., несомненно, произошёл коренной перелом. Никогда до сентября 1939 г. Беларусь реально не существовала как самостоятельное государство, даже как административная единица другого государственного образования в границах «после сентября 1939 г.». Поэтому речь идёт об объединении впервые территорий с этнически однородным автохтонным белорусским населением. Однако когда вопрос ставится о присоединении территорий Западной Беларуси, то нельзя обойти вниманием тот факт, что население данного региона было этнически неоднородным. По переписи 1931 г., здесь проживало 3,8 млн. человек, а после сентября 1939 г. – 4,6 млн. человек, из которых 65 % (по другим подсчётам от 56 % до 77 %) составляли белорусы [6, 83]. Данная статистика, увы, исключает людей, которые позиционировали себя как «ту-тэйшыя» (в терминологии дореволюционных этнографов – «пинчуки» или в терминологии польского правительства – полешуки). Таких людей, по переписи 1931 г., насчитывалось свыше 700 тыс. человек в Полесском воеводстве [3, 16]. В официальной цифре 65 % белорусов, как указывается в современных белорусских пособиях, доля полешуков составляет 1/4, а при вычитании из неё 8 % граждан, назвавших родным языком польский, доля полешуков среди отнесённых к белорусам составит около 1/3, а самих белорусов составит менее 50 % населения. Но именно положение об этнической однородности и преимущественно белорусском населении земель Западной Беларуси явилось обоснованием для включения их в состав БССР. Если учесть, что к белорусам статистика советских исследований относилась и белорусскоговорящих поляков, то полешуков следовало относить по диалектическим особенностям говора к украинцам, которых насчитали в Западной Беларуси только 4 %.

Все эти факты свидетельствуют о политике советской власти, направленной на искусственное увеличение доли белорусского населения на присоединённых территориях с целью оправдания дальнейшего передела территорий и расширения границ влияния. Подтверждением данной тенденции служит проводимая советской властью в тот период депортация определённых категорий поляков, около 53 тысяч, из Западной Беларуси в глубь СССР [9, 371]. Репрессиям подверглись не только бывшие польские военнослужащие и полицейские. Вместе с ними в зшелонах на Восток были отправлены и простые люди – поляки, евреи, украинцы, русские, в которых государство усмотрело социальную опасность. Начиная с осени 1939 г., многие жители региона стали регулярно страдать от ежене-

дельных обысков, сопровождавшихся грабежами и другими насилиями [7, 60]. Но эшелоны с людьми в массовом порядке стали двигаться не только с Запада на Восток. В западные районы шла масштабная передислокация кадров из Восточной Белоруссии и других регионов СССР. Это были не только руководящие работники, члены партии, но и деятели культуры и здравоохранения, что сыграло свою положительную роль в социально-экономическом развитии региона в будущем. При этом соотношение представителей различных этнических групп в Западной Белоруси изменилось. Эти и многие другие факты говорят о сложности и неоднозначности произошедших событий. Изменения, свершившиеся в последующие десятилетия господства советской власти, были восприняты разными людьми, даже народами, по-разному. Итогом же стало смещение цивилизационного разлома на запад, объединившего белорусский народ в рамках православно-славянской цивилизации.

Літэратура

1. Амелянчук, Н. У цісках галечы і беспрацоўя / Н. Амелянчук // Камуністычная праца. – 1986. – 1 сакавіка.
2. Броўкін, Я.А. Эканоміка Польшчы у 1921 – 1929 гг. / Я.А. Броўкін // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 25 – 31.
3. Гацкая, О.А. Этнические меньшинства Польши / О.А. Гацкая // Этнические меньшинства современной Европы. – М., 1997. – С. 16.
4. Галубовіч, В. І. і інш. Эканамічная гісторыя Беларусі / рэд. В.І. Галубовіч. – М., 1996.
5. Ладыеў, У. Ф. Заходняя Беларусь у 1921 – 1939 гг. / У.Ф. Ладыеў // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мн., 2000. – С. 166 – 179.
6. Eberhardt, P. Przemiany narodowosciowe na Bialorusi. – Warszawa, 1995. – С. 84.
7. Gross, T.J. Revolution from abroad: the Soviet occupation of Polish Western Ukraine and Belorussia. – Princeton, 1987. – С. 60.
8. Jakubowski, Jozef. Stan społeczno – kulturalny wsi pov. Kobryńskiego. – Warszawa, 1934. – S. 355.
9. Pawlow, J.S. Represje wobec osadników polskich w zachodnich obwodach Bialorusi // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941. – Warszawa, 1995. – S. 371.

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ І КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛЬСКІХ ВАЙСКОВЫХ ФАРМІРАВАННЯЎ І АРГАНІЗАЦЫЙ (1921-1939 гг.)

Вабішчэвіч А. М.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Важнае значэнне ў грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі, правядзенні дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі займала польская армія. Палякі займалі там прывілеяванае становішча. Доля беларусаў у 1920–30-я гг. там не пераўзыходзіла 10 %, вагалася ад 4,9 % (1926 г.) да 9,5 % (1923 г.) [1, 120]. Аднак гэтыя працэнтныя адносіны прызнаюцца заніжанымі, бо беларусы-католікі атаясамлівалі сябе пераважна з палякамі [2, 71]. Большая доля беларусаў у польскай арміі адзначана ў асобных сучасных польскіх выданнях [3, 17].

Польскае армейскае камандаванне бачыла ў няпольскіх прадстаўніках ненадзейных вайскоўцаў, таму штучна абмяжоўвала іх прысутнасць у розных родах войск. Паводле